

**Кушелев-Безбородко Григорий
Александрович**

**Очерки, рассказы и путевые
заметки графа Г.А.
Кушелева-Безбородко**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Александрович К.**
Очерки, рассказы и путевые заметки графа Г.А. Кушелева-Безбородко / Кушелев-Безбородко Григорий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 417 с.

ISBN 978-5-519-92054-4

ISBN 978-5-519-92054-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЋЗДКА НА ЯРМАРКУ.

I.

У Петра Ивановича вскочилъ прыщъ на носу. Это его чрезвычайно беспокоило.

— Отъ чего-же вскочилъ этотъ прыщъ на носу? Да, почему именно на носу? спрашивалъ онъ у Ивана Петровича.

— Помилуйте, Петръ Ивановичъ, этотъ прыщъ почти незамѣтенъ, и притомъ гораздо лучше, что это случилось именно на носу, чѣмъ гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, посудите сами....

Но Иванъ Петровичъ не успѣлъ договорить, потому-что дверь отворилась, и вошла Софья Тимофеевна, дородная супруга Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ Полнощекоевъ былъ помѣщикъ С—ой губерніи. Когда-то служилъ онъ въ гусарскомъ армейскомъ полку, и, достигши маіорскаго чина, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ которомъ незадолго умеръ старикъ

отецъ его. Петръ Ивановичъ, имѣя сердце очень чувствительное, не могъ долго прожить холостякомъ. Маленькіе глазки Софьи Тимоѳеевны, сосѣдки Петра Ивановича по имѣнію, скоро завладѣли вполнѣ его душею; онъ не вытерпѣлъ, и, нѣсколько времени спустя по пріѣздѣ въ имѣніе, сталъ просить руки ея. Она конечно согласилась тотчасъ же, также какъ и ея родные: у Петра Ивановича было 500 душъ незаложенныхъ, а это очень много значить для отставнаго маіора. Петръ Ивановичъ былъ внѣ себя отъ радости, когда увидѣлъ въ своемъ имѣніи Лохвинкѣ такую милую хозяйку. Софья Тимоѳеевна была въ то время куда не такъ дородна, какъ теперь, но все-таки слыла между помѣщиками красавицей. С—іе помѣщики очень любятъ дородность; это, впрочемъ, ихъ спеціальность. Должно-быть обширность нашего государства служить главною причиною этого вкуса. Софьѣ Тимоѳеевнѣ тоже полюбилось село Лохвинка. Воспитанной при родителяхъ, владѣвшихъ пятью душами крестьянъ, изъ которыхъ двое были дворовыми,—ей показалось привольно жить помѣщицею, въ своемъ домѣ, имѣть свою деревню, свой скотный дворъ, свои хлѣбные магазины и пр. и пр.; ей нравилась возможность приказывать, распоряжаться по своей волѣ, по своему желанію, Петръ Ивановичъ, ко-

торый имѣлъ сердце чувствительное и старался во всемъ угодить своей любезной Сонѣ, подпалъ незамѣтно подъ башмакъ Софьи Тимоѳеевны, какъ выражался одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Такъ прошли десять лѣтъ, мирно, плавно, безъ особыхъ приключеній. Результатомъ всего этого было то, что Софья Тимоѳеевна стала неимовѣрно дородна и сдѣлалась полною хозяйкою всего дома. Петръ Ивановичъ исхудалъ и конечно постарѣлъ, сдѣлавшись вполнѣ подвластнымъ Софѣ Тимоѳеевнѣ. Онъ, бывало, иногда и постарается противиться, но лишь только она прикрикнетъ немного, мой Петръ Ивановичъ сдѣлается еще тише, чѣмъ обыкновенно, согласится на все и спрячется куда придется, лишь-бы умягчить или приостановить гнѣвъ любезной Софьи Тимоѳеевны.

Петръ Ивановичъ сохранилъ отъ своего прежняго восннаго, удалаго времени только два качества: сознаніе, что онъ очень видный мужчина, способный очаровать всякую красавицу, и что если онъ этого не дѣлаетъ, такъ потому только, что это ему не нужно и неужодно, а не потому-что онъ этого не умѣлъ-бы сдѣлать, — и еще благородное стремленіе защищать всегда и вездѣ и отъ всѣхъ своего друга Ивана Петровича, от-

ставнаго капитана, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ послѣ выхода въ отставку.

Въ одинъ прекрасный день, Иванъ Петровичъ заѣхалъ по дорогѣ къ Петру Ивановичу, чтобъ изъяснить ему свое уваженіе, но, найдя пріютъ этотъ очень удобнымъ, остался какъ-то незамѣтно въ немъ жить. Откуда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ и куда онъ ѣхалъ, когда остановился въ селѣ Лохвинкѣ, никому не было извѣстно, да кажется, и самъ Иванъ Петровичъ этого не зналъ. Впрочемъ, Петръ Ивановичъ мало объ этомъ заботился;—ему понравился Иванъ Петровичъ, который всегда съ удовольствіемъ составлялъ ему вечеромъ партію въ пикетъ, говорилъ часто съ нимъ о вещахъ весьма интересныхъ, напримѣръ, о войнѣ двѣнадцатаго года, о туркахъ, подъ часъ о томъ, какъ они хотятъ объявить намъ войну и ждутъ подмоги Франціи и Англіи, потому что сами трусятъ, мошенники, и пр. и пр. Однимъ словомъ, Иванъ Петровичъ очень нравился Петру Ивановичу, и кто-бы ни посмѣлъ затронуть Ивана Петровича, былъ закидываемъ самыми рѣзкими выраженіями, которыя Петръ Ивановичъ употреблялъ только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Сама Софья Тимоѣевна удивлялась, какъ Петръ Ивановичъ осмѣливался открыто сердиться на нее, когда она что-нибудь замѣчала противъ

Ивана Петровича. Подобныя распри между супругами еще происходили только тогда, когда Софья Тимофеевна укоряла Петра Ивановича въ томъ, что онъ самый уродливый человѣкъ, какого она только видѣла. Это чрезвычайно оскорбляло чувство собственнаго достоинства Петра Ивановича. Онъ не могъ тогда вытерпѣть, чтобъ не напомнить, что онъ отставной майоръ и что нѣкогда стоило ему захотѣть, и всѣ лучшія и первѣйшія красавицы уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ стоялъ его полкъ, бѣгали за нимъ пуще, чѣмъ за самыми молодыми офицерами; что онъ до-сихъ-поръ очень видный мужчина, хотя немного псхудаль, и т. п.

При входѣ Софьи Тимофеевны Петръ Ивановичъ мигнулъ Ивану Петровичу, и вотъ почему не успѣлъ договорить начатаго разговора.

— Удивительно хороша погода сегодня, сказала Петръ Ивановичъ, будто продолжая начатый разговоръ.

— Какъ я рада, Петушенокъ мой, сказала Софья Тимофеевна: что ты находишь погоду благопріятною. (Софья Тимофеевна очень любила уменьшительныя слова; она всегда называла своего мужа или Петею или Петрушею или Петушкомъ и Петушеночкомъ; только въ сердцахъ говорила она—Петръ Ивановичъ, и когда она его

такъ офиціально называла, Полнощекоевъ весь дрожалъ уже отъ страха).

— Знаешь, Петаша, что я думаю? — Не поѣхать ли намъ куда-нибудь? Вѣдь право скучно все сидѣть дома да дома.

— Куда это, матушка? Къ Александру Сергѣичу?

— Ахъ нѣтъ, что ты это выдумалъ! Что намъ развѣзжать по сосѣдямъ, они смерть какъ надоѣли, все тѣ же да тѣ же; да и что новаго отъ нихъ узнаешь!

— Такъ ты, матушка, хочешь съѣздить въ нашъ городъ? Да вѣдь это очень далеко, — верстъ пятьдесятъ будетъ.

— Въ городъ? Вотъ это мило! Да что мы тамъ потеряли? Зачѣмъ мы туда поѣдемъ? Да развѣ это городъ? Это просто та же деревня. Вотъ выдумалъ, батюшка мой, ѣхать въ эту глушь!

— Помилуй, матушка, возразилъ Петръ Ивановичъ: — городъ губернской, въ немъ всѣ присутственныя мѣста, тамъ живетъ губернаторъ, хоть мы съ нимъ и незнакомы, но все-таки у насъ тамъ знакомые и безъ него есть; да хоть предсѣдатель казенной палаты, очень милый человѣкъ, вполне достойный человѣкъ.

— Кто? Онуфрій Ивановичъ! Стоитъ ѣхать, чтобъ видѣться съ такимъ мошенникомъ.

— Да куда же ты хочешь ѣхать, матушка? протяжно спросилъ Петръ Ивановичъ, и лицо его выразило совершенный испугъ.

— Въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку, сказала съ улыбкою Софья Тимофеевна.

— Въ Нижній-Новгородъ! на ярмарку! повторилъ Петръ Ивановичъ, и руки у него отнялись, ротъ остался полуоткрытымъ, и въ недоумѣніи онъ не зналъ, что дѣлать.

Самъ Иванъ Петровичъ, никогда не терявшій присутствія духа, былъ чрезвычайно изумленъ этимъ предложеніемъ, и не зналъ что сказать. Какъ-бы для того, чтобъ изыскать способъ выдти изъ этого положенія, онъ кашлянулъ.

— Ну, что-же ты остолбенѣлъ, оторопѣлъ, какъ кукла? сказала Софья Тимофеевна своему мужу. (Она не была очень разборчива на выраженія, когда что-нибудь было не по ней).

— Я.... я.... ничего, сказалъ Петръ Ивановичъ. — Мнѣ кажется, что только.... что это очень далеко; какъ намъ туда собраться?

— Какъ собраться? Просто велѣтъ заложить бричку и ѣхать.

— Бричку, повторилъ Петръ Ивановичъ: — но какъ же? мы тамъ останемся долго? Что же мы будемъ тамъ одни дѣлать? Я никакъ не могу остаться безъ своего друга Ивана Петровича?

— Очень благодаренъ, Петръ Ивановичъ, очень благодаренъ, что вы такъ добры ко мнѣ!

И Иванъ Петровичъ пожалъ руку Петра Ивановича.

— Я привыкъ, продолжалъ мужъ:—сыграть партіи двѣ, три въ пикетъ вечеромъ: кто же тамъ будетъ играть со мною?

Петръ Ивановичъ говорилъ это не по одному чувству любви и привязанности къ Ивану Петровичу, но мысль оставить даже на нѣкоторое время свой домъ, свои обыкновенія и отправиться такъ далеко, въ шумный городъ, — ему, который десять лѣтъ прожилъ тихо, просто, въ деревнѣ, — сильно его тревожила. Онъ думалъ, что, требуя отъ своей дрожайшей супруги не покидать своего друга, онъ нашелъ лучшее средство помѣшать этому путешествію. Но Петръ Ивановичъ совершенно ошибся. Хотя Софья Тимоѣевна и сказала было: «куда это таскать съ собою всегда всѣхъ знакомыхъ и пріятелей, будто ты не можешь жить самъ по себѣ, будто я тебѣ и недостаточна для твоего счастья;» но, выслушавъ очень почтительныя замѣчанія Петра Ивановича, который изъяснялъ, что хотя Софья Тимоѣевна его супруга, и притомъ любимая супруга, хотя ему всегда отрадно быть съ нею вмѣстѣ, и что онъ никогда и не желаетъ ничего больше, какъ